

А. РАСКИН

ШАЛЯПИН
^И
РУССКИЕ
ХУДОЖНИКИ

1963

ИЗДАТЕЛЬСТВО • ИСКУССТВО • ЛЕНИНГРАД • МОСКВА

воспроизведения его набросков. «Когда я работал над эскизами, — писал Серов Теляковскому, — я думал, что поймут меня, т. е. эскизы, с полупамятка и, поняв эти намеки, разовьют картины в нечто большее, чем самые эскизы, и тут я жестоко ошибся». Вот этим умением понимать «намек» художников, развивать и обобщать все то, что ими было дано в эскизах, в совершенстве владел Шаляпин.

Тесная дружба Серова и Шаляпина в начале 1911 г. была омрачена невольным участием артиста в верноподданнической демонстрации хора Мариинского театра во время представления оперы «Борис Годунов», на котором присутствовал Николай II.

После окончания одной из картин оперы хористы неожиданно начали петь гимн и встали на колени. Шаляпин, стоявший позади всех, вынужден был присесть, чтобы не выделяться на сцене.

Реакционная пресса немедленно распространила ложное сообщение о том, что Шаляпин во главе хора, «стоя на коленях и обратившись к царской ложе, исполнил «Боже, царя храни». Нашелся даже художник, который изготовил соответствующую иллюстрацию. Это послужило поводом для неоправданных обвинений Шаляпина.

Серов, человек бескомпромиссного характера, не зная подробностей происшествия, написал артисту осуждающее письмо. Шаляпин сам рассказал об этом в книге «Маска и душа»: «Каково же было мое горестное и негодующее изумление, когда. . . я в Монте-Карло получил от моего друга художника Серова кучу газетных вырезок о моей «монархической демонстрации!». . . Если это писали в газетах, то что же, думал я, передается из уст в уста! Я поэтому несколько не удивился грустной приписке Серова «Что это за горе, что даже и ты кончаешь карачками. Постыдился бы».

Это недоразумение, как пишет дочь художника, глубоко опечалило Серова. Он недоумевал и страдал. Шаляпин также был огорчен произошедшим и резким письмом Серова.

Нелепый случай «с коленопреклонением» вызвал одинаковую реакцию Серова и Горького, и можно предположить, что художник согласился бы со словами Горького: «. . . приехал он [Шаляпин] и — такова сила его таланта, обаяние его здоровой и красивой в корне души, — что вся эта история, весь шум, — кажется теперь такой глупостью, пошлостью, мелочью в сравнении с ним». Шаляпин написал Серову, что он «напрасно поверил вздорным сплетням», и объяснил происшедшее. По свидетельству И. Ф. Шаляпиной, они помирились незадолго до смерти художника.

Шаляпин был потрясен его кончиной. Он прислал из Петербурга жене Серова горестную телеграмму: «Дорогая Ольга Федоровна, нет слов изъяснить ужас, горе, охватившее меня. Дай Вам бог твердости, мужества перенести ужасную трагедию. Душевно с Вами Федор Шаляпин».

В годовщину смерти художника Шаляпин почтил память друга речью в Обществе любителей художеств.

В декабре 1912 г. в одной из бесед с художниками он выразил желание учредить в Академии художеств стипендию имени Серова. Свои мысли о значении творчества Серова он высказал в книге «Маска и душа», впервые изданной в 1932 г. Это одна из самых верных характеристик художника: «Серов оставил после себя огромную галерею портретов наших современников, и в этих портретах сказал о своей эпохе, пожалуй, больше, чем сказали многие книги. Каждый его портрет — почти биография». Указав на значение Серова, Шаляпин тем самым подчеркнул то, что их роднило в творчестве. Так же как и Серов в портретной живописи, Шаляпин в сценических образах умел показать социальные противоречия, обнажить тайны человеческой психологии.

Теляковский в «Воспоминаниях» писал, что из всех художников «особенно близок к Федору Шаляпину был Константин Коровин, человек умный, наблюдательный, чуткий, с необыкновенно тонким чисто русским юмором».

Шаляпин познакомился с Константином Алексеевичем Коровиным, в то время «молодым человеком, украшенным бородкой Генриха IV», в Нижнем Новгороде.

Вскоре знакомство переросло в дружбу, и уже в 1897 г., на втором плане портрета певицы Любатович, кисть Коровина впервые запечатлела стройную фигуру молодого Шаляпина.

Творческая дружба артиста и художника, связанных общей работой в Русской частной опере, а затем в Большом театре, дополнялась близостью личных вкусов, любовью к природе, рыболовству, охоте. Замечательные рассказчики, они часами могли состязаться в импровизации смешных историй и диалогов, причем Коровин зачастую побеждал изобретательностью сюжета и занимательностью повествования.

К. А. КОРОВИН ●

Эти веселые досуги в мастерской и на даче Коровина имели немалое значение в развитии Шаляпина, помогали понять многие самые разнообразные явления искусства, в котором был глубоко сведущ Коровин — знаток поэзии и живописи, музыки, этнографии, архитектуры и прикладного искусства.

В Мамонтовском театре Коровин помогал Шаляпину в работе над ролью Грозного, для которой он сделал эскиз костюма. По его же рисункам выполнили костюмы для «Хованщины», костюм и грим Нилаканты для оперы Делиба «Лакме», где эту партию исполнял Шаляпин.

Самым плодотворным в творческой дружбе Шаляпина и Коровина был период с 1900 по 1921 г. — годы зрелости их дарования и неустанного совершенствования мастерства. Постоянное общение помогало им в работе, побуждало к новым художественным поискам. Шаляпин ясно понимал, что он и Коровин делают общее дело. Декорации Коровина будили воображение артиста, давали необходимую «эмоциональную настройку», создавали нужную исполнителю среду. Асафьев, много раз видевший Шаляпина в спектаклях, оформленных Коровиным, отмечал: «Очень характерно, что такие яркие артистические индивидуальности, как И. Ершов и Ф. Шаляпин в условиях коровинских сценических живописных пространств и коровинской красочной иллюзорности не казались «выскакивающими» из декоративного оформления или же скованными декоративным узором».

Когда в 1904 г. во время вторых гастролей в миланском театре «Ла Скала» Шаляпин выступал в «Фаусте» без декораций Коровина, он не мог скрыть своего недовольства уровнем постановки и оформления спектакля. «Мне страшно досадно, — писал он из Милана, — что я не мог показать здесь публике нашего милого Костю, а как бы было нужно, как нужно!!!»

Чувством большой симпатии к изображенному согрет портрет Шаляпина, написанный Коровиным летом 1905 г. Кажется, что Шаляпин только на мгновение присел на диван, чтобы прочесть письмо, и задумался. От его светловолосой головы, свежего полнокровного лица, стройной и легкой фигуры веет молодостью и здоровьем. И свет солнечного летнего дня, мягко играющий на жемчужно-сером костюме и белоснежном воротничке рубашки, и пышная, зелень куста роз с яркими цветами за окном — все это такое же молодое, полнозвучное, радостное.

Портрет Шаляпина был создан вслед за совместной работой художника и певца над оперой «Демон», поставленной в Москве в 1904 г.

К. А. Коровин. Портрет Шаляпина. Фрагмент

К. А. Коровин. Портрет Шаляпина. 1911

Коровин знал и любил Кавказ. И он сумел в своих эскизах к «Демону» передать лермонтовское ощущение «вечной красоты» этого горного края: высоко в темно-синее небо уходят зубчатые хребты, мерцающая ледяными вершинами; крутые обрывы и глубокие ущелья окутаны лиловато-сизой мглой; как бы вросшие в громаду гор высются темные стены и башни монастыря, и над ними сверкают огромные всевидящие звезды. Декорации, исполненные по эскизам Коровина, создавали ту романтическую атмосферу, в которой, как и в поэме Лермонтова, реальность сливалась с фантастикой, а вымысел воспринимался как действительность.

По мысли Шаляпина Коровин сделал ему костюм из легкой, свободно ниспадающей ткани. Это придавало фигуре Демона зыбкость, расплывчатость; артист мог внезапно распахивать свое одеяние, и тогда была видна, подобная мраморной статуе, фигура «падшего ангела»; закутываясь в свой широкий плащ, он сливался с фоном и, как гигантская тень, исчезал в ночной тьме.

Коровин работал вместе с Шаляпиным и над гримом Демона. Еще в 1890 г., когда Врубель писал «Демона сидящего», Коровин, с которым у него была общая мастерская, также увлекся лермонтовской темой. Это помогло ему через четырнадцать лет при создании грима.

Влияние Коровина сказалось и при работе над сценическим рисунком роли. Певица Н. В. Салина, исполнительница партии Тамары, писала в книге «Сцена и жизнь», что Коровин «сделал Шаляпину великолепный врубелевский грим, одел его в очень удачный костюм из черной полупрозрачной материи, прорезанной красной нитью, и вообще возился с Шаляпиным, как нянька с младенцем. «Федор, ты стань здесь», «Федя, приподними руку», «Федя, не забудь поворот», «Федор, сделай несколько шагов», — заботливо командовал Коровин, и Шаляпин послушно повиновался словам художника».

Творческое общение Шаляпина и Коровина не ограничивалось только непосредственной работой над спектаклями, хотя художник создал немало декораций к тем операм, в которых выступал певец: «Демон», «Садко», «Иван Сусанин», «Руслан и Людмила».

В театре и на квартире Теляковского Шаляпин и Коровин не однажды обсуждали вопросы режиссуры, культуры исполнения, мастерства дирижеров. И здесь они всегда были единодушны, отстаивая свои художественные взгляды.

Наиболее чутким барометром отношения художника к окружающим его людям являются портреты. Исполненные Коровиным портреты Шаляпина — подлинные

живописные поэмы о прекрасном человеке, которого он любил и которым восхищался.

Интересно отметить, что, высоко ценя Шаляпина как артиста и певца, Коровин лишь однажды изобразил его на сцене. В небольшом этюде он передал свое впечатление от оперы «Фауст», воспроизведя эпизод у дома Маргариты, когда Мефистофель поет ей саркастическую серенаду. При этом художник задался целью передать языком живописи только настроение сцены. На эскизе — узкая темная улица и две фигуры — закутанный в темный плащ Фауст и гибкий яркий, как язык обжигающего пламени, Мефистофель.

Все коровинские портреты Шаляпина — это портреты артиста в жизни. И все они, кроме одного, начиная с самого раннего, летние, напоенные солнцем и светом.

Оптимистическому мироощущению Коровина был более близок Шаляпин-человек, чем трагические и сатирические образы им созданные. Прекрасным выражением понимания и восприятия художником Шаляпина, как удивительного по совершенству творения природы, явился портрет, созданный в 1911 г. во Франции в курортном городке Виши, где друзья тогда отдыхали.

Шаляпин позировал для портрета на открытой террасе, освещенной солнечными лучами, проникающими сквозь густую зеленую листву. Статный, молодой, мужественный, он сидит у стола в невысоком кресле одетый в светлый костюм, белую рубашку со стоячим воротником, повязанным сиреневым шелковым бантом. На лице артиста счастливая улыбка. Он наслаждается бодрящей свежестью погожего дня, струющимся светом и теплом солнца. Его большая, удивительно легкая и ладная фигура купается в золотом сиянии. Весь его облик, дышащий радостью бытия, неотделим от яркого солнечного дня. Ощущение праздничности подчеркнуто убранством стола, украшенного букетом роз, живописно сервированного вазой с фруктами, хрустальным графином, высокой бутылкой с золотистым ликером и бокалом, в котором, как рубин, сверкает налитое вино. В этом портрете Шаляпина раскрыто жизнелюбие артиста, умевшего столь же полно и самозабвенно отдаваться всем радостям жизни, как и творчеству.

Этот лучший из портретов Шаляпина кисти Коровина был создан за год до самой совершенной из их совместных театральных работ — постановки оперы Мусоргского «Хованщина». Шаляпин выступал не только как исполнитель партии Досифея, но и как режиссер. Коровин, который руководил оформлением

Ф. Шаляпин и К. Портрет
К. А. Коровина. Рисунок. 1912

спектакля, делал эскизы декораций и костюмов, наряду с артистом-режиссером явился соавтором сценического воплощения оперы.

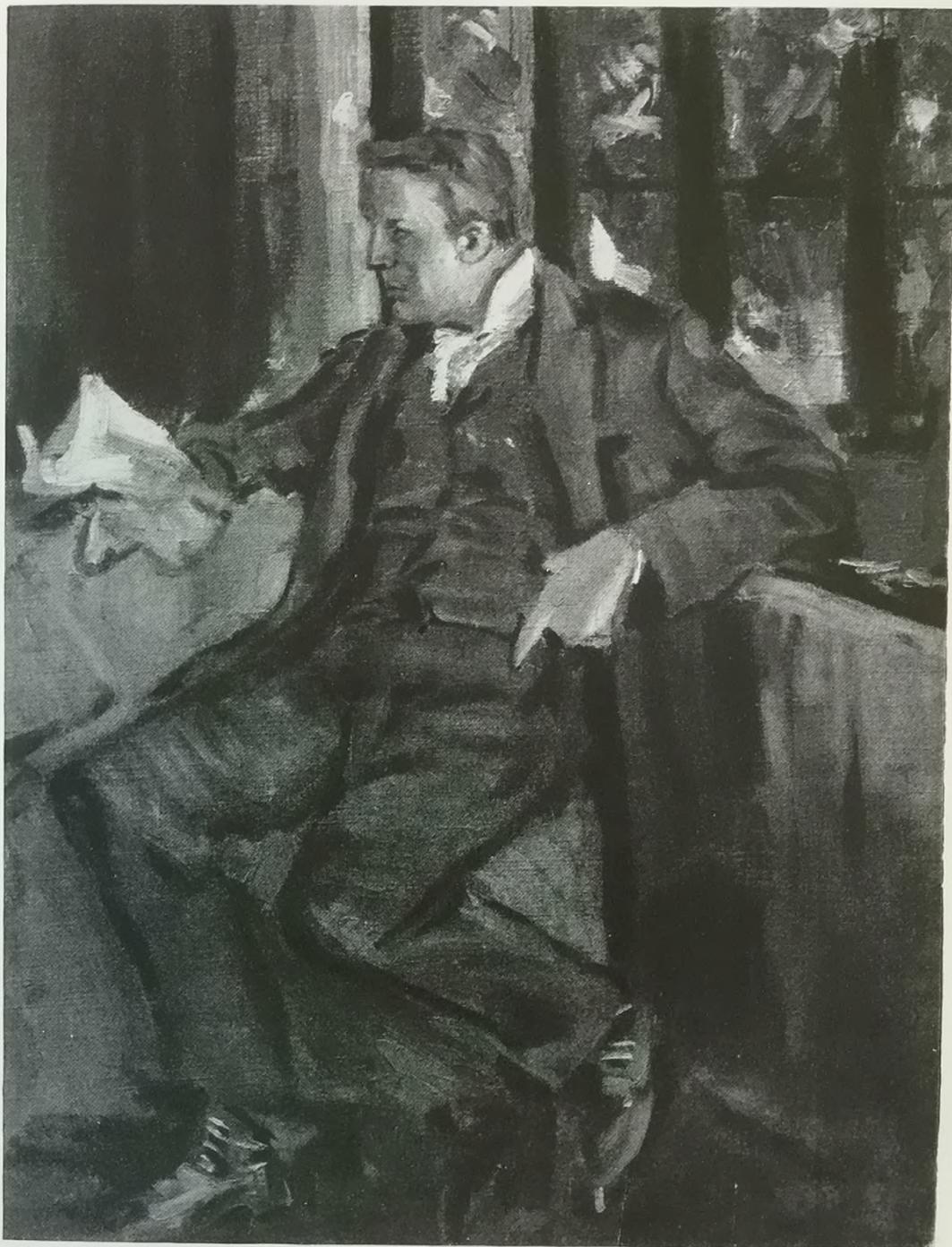
Н. И. Комаровская вспоминает, как Коровин, происходивший из старообрядческой семьи, рассказывал Шаляпину о различных бытовых эпизодах, описывал старые церковные обряды, читал наизусть молитвы. «Вместе они намечали внешний облик Досифея. По рисункам Коровина Досифей представлялся то гневным изувером, то пламенным фанатиком, то добрым пастырем. Шаляпин загорелся. Вдохновенно, с потрясающей силой пел он в этот вечер Досифея. Выслушивая соображения Коровина, он вновь и вновь повторял те места из своей роли, которые не удовлетворяли его. Это был незабываемый вечер содружества, совместной работы двух больших художников».

После 1912 г. Шаляпину и Коровину не приходилось больше вместе осуществлять столь значительных постановок, но живая творческая и дружеская связь между ними не прерывалась.

В конце 1915 г. Коровин жил в Севастополе. Оттуда он отправил своему другу несколько писем, которые освещают разнообразие их общих интересов. В одном из писем Коровин послал Шаляпину клятву граждан Херсонеса, относящуюся к IV веку до нашей эры, и тут же развил фантастическую мысль о том, что Петру I столицу России следовало бы перенести не на берега суровой Балтики, а к теплому Черному морю, где всегда много солнца и «камень дивный, из которого можно сложить десять Парижей, климат лучше Парижа».

Замечательной чертой дружбы Шаляпина и Коровина была чуткость и деликатность. Догадавшись по письмам друга-художника, что он нуждается в деньгах (Коровин предложил купить у него картину «Вечер на террасе», для которой позировали дочери артиста Лидия и Ирина), и узнав об этом от общего знакомого, Шаляпин пишет ему в Севастополь: «Из слов Ивана Ивановича Красовского я почувствовал, что ты нуждаешься в деньгах. Ради бога, прошу тебя, в случае нужды скажи мне, сколько тебе нужно, и я с удовольствием буду рад оказать тебе в этом дружескую услугу. Ты знаешь, милый Костя, как я тебя люблю и уважаю, значит, смею надеяться, что ты со мной церемониться и стесняться не станешь. Дружья должны существовать и проявлять себя в тяжелые минуты жизни — вот я здесь к твоим услугам».

Однако в дружбе Шаляпина и Коровина были и диссонансы, которые объясняются мнительностью Коровина и обостренным самолюбием обоих друзей. При

К. А. Коровин. Портрет Шаляпина. 1905

этом, оценивая явления искусства и свое творчество, несмотря на прямоту и резкость высказываний, они никогда друг на друга не обижались, но по незначительным поводам, например, из-за покупки какой-нибудь старинной вещи или картины, горячие споры доходили до взаимных обид, колкостей и насмешек.

«Можно было умереть со смеху, — пишет Теляковский, — когда эти два выдающихся художника начинали приводить доводы и объяснения, почему они так или иначе ценят данную вещь, и когда друг друга старались убедить в своей правоте, настойчиво подчеркивая, что один из них хочет другого нагреть».

Но ссоры эти были неглубокими, размолвки недолгими, и дружба оставалась прежней. Как всегда, они делились творческими замыслами и помогали друг другу.

Когда в начале 1918 г. волостной комитет опечатал в Охотине дачу Коровина, где находилась его мастерская, мольберты и краски, он написал Шаляпину в Петроград письмо с просьбой помочь: «Прошу тебя попросить Дуначарского или кого нужно, чтобы подтвердили мое право пользоваться своей дачей-мастерской». И Шаляпин выполнил просьбу друга. Уже в июне Коровин сообщил Шаляпину из деревни: «Я много работаю, иду в живописи иллюзию и поэзию, желая уйти от внешнего мастерства».

Последний шаляпинский портрет Коровин написал в 1921 г. Между этим портретом и первым, сделанным им, пролегло двадцать пять лет, но его друг остался все тем же сверкающим, полным энергии, обаяния, ума и таланта человеком. Таким он и изобразил почти пятидесятилетнего артиста. Только серебро седины в мягких волосах напоминает о пройденном долгом и трудном пути. Подвижная, стройная фигура Шаляпина, сидящего в кресле у окна и освещенного вечерними огнями Москвы, свободная поза, движение рук, волевой поворот головы и полное воодушевления и мысли лицо говорят о неиссякаемой молодости души артиста.

Портреты Шаляпина, созданные Коровиным, при всем их глубоко интимном подходе художника к модели, не носят печати чисто субъективной оценки личности артиста. Шаляпин в жизни воспринимался как незаурядное, праздничное явление русской действительности, и по единодушному признанию современников, его приход всегда приносил ощущение большой радости. «Прежде всего при первой встрече с Шаляпиным, — вспоминает писательница Л. Я. Нелидова-Фивейская, — поражала царственная величавость его особы; его движений, поз, манеры говорить и держаться в обще-

стве. Высокий, светлобровый, светловолосый, он весь был каким-то лучезарным, жизнеутверждающим, мажорным».

Оказавшись за границей и долгие годы живя в Париже, Шаляпин и Коровин нередко встречались. Шаляпин помог Коровицу устроиться художником-декоратором в парижскую русскую оперу. Но все же в их отношениях появилась нотка отчужденности.

Письма Коровина к музыканту Б. Б. Красину вскрывают причины, которые привели к охлаждению дружбы в этот последний период их жизни. Их разделяло различное общественное положение. Шаляпин был признанным артистом с мировым именем. Он жил открыто, на широкую ногу. Коровин не пользовался таким признанием, работы его покупались мало. Самолюбивого и мнительного художника все время одолевали сомнения: не думает ли Шаляпин, что он приходит, чтобы попросить взаймы. Но главное было в том, что вдали от родины изменились оба друга: не осталось прежнего оптимизма у Коровина и не было прежней радости в Шаляпине. Обо всем этом поведал Коровин в письмах Красину: «Милый друг мой Федя Шаляпин, когда встретил, кричит: Костя! друг мой, Костя! Шампанского! А потом глядит... Костя-то сер. Анна Яковлевна уже не делает пирожки с вязигой... что-то я уж и не понравился, а вдруг взаймы попрошу?! Но не бойся, не попрошу. Федя, Федя, а ведь я его люблю, ведь гений, а странный такой стал, грустный, что я его не узнал».

Но основное в отношениях Шаляпина и Коровина оставалось прежним — взаимное уважение подлинных художников — союзников в искусстве. Большой гордостью за талант друга проникнуты скупые строки в книге Шаляпина «Маска и душа»: «Из славной московской группы русских художников с нами здесь, в Париже, здравствует один только Константин Коровин, талантливейший художник и один из обновителей русской сценической живописи, впервые развернувший свои силы также в опере Мамонтова, в конце прошлого века».

Продолжал высоко ценить искусство Шаляпина и Коровин. Когда он объяснял Красину суть художественной правды в искусстве, то приводил в пример Шаляпина: «Вот Федор Шаляпин — поет просто как надо хорошо — т. е. художественно — он не футурист, не импрессионист, не направление — он художник; у него в игре, в смысле музыкальной фразы — художественная правда и только».

После смерти артиста Коровин написал воспоминания. Он хотел рассказать о его личности, воссоздать живой образ и лишь вскользь коснуться его творчества.

Однако меньше всего он показал Шаляпина-человека: сказались условия эмигрантской жизни, которые исказили взгляд на все прошлое. Но там, где он говорит об искусстве своего друга, которого он называл «солнечным озарением в театре», звучит взволнованное слово художника, «потрясенного гениальным воплощением образа и мощным тембром единственного в мире голоса».

Заключительным аккордом воспоминаний художника Коровина служат полные любви и уверенности слова: «Милый Федя, всегда будут о тебе петь баяны, и никогда не умрет твоя русская слава».

● А. Я. ГОЛОВИН

Если портреты Серова и Коровина составили художественную летопись жизни Шаляпина, то цикл портретов, созданных Александром Яковлевичем Головиным, является волнующим повествованием о творчестве артиста.

Как и со всеми остальными художниками, Шаляпина и Головина сблизил совместная работа в театре. Но еще до личного знакомства художник услышал о Шаляпине от Левитана, который, как и все передовые люди того времени, восторженно воспринял выступления молодого певца. В книге Головина «Встречи и впечатления» приводится этот знаменательный разговор: «Вспоминаю одну из своих встреч с Левитаном, который с первых слов забросал меня вопросами: «Видели вы Шаляпина? Слышали его? Знаете ли вы, что такое Шаляпин?» Я должен был признаться, что еще не слышал. «Пойдите непременно. Вы должны его увидеть! Это что-то необыкновенное. Как он поет Мефистофеля! Как играет!» Левитан был взволнован по-настоящему, и, зная его тонкое артистическое чутье, я понял, что в театре появился действительно какой-то чародей».

Головин увидел Шаляпина в роли Грозного и с того момента был навсегда покорен голосом, игрой и всем обликом гениального артиста, впоследствии запечатленного им в прекрасных портретах.

В 1900 г. Головин оформил в Большом театре постановку оперы композитора Корещенко «Ледяной дом», где Шаляпин исполнял партию Бирона. Сблизившись с художником, Шаляпин стал советоваться с ним относительно волновавшего его сценического воплощения образа Мефистофеля в опере Бойто, роль которого он готовил для выступления в Милане.

